

Владимир Иванов

Математическая колыбельная

Стихи и е-байки
для внучат

Владимир Иванов

**Математическая колыбельная.
Стихи и е-байки для внучат**

«Издательские решения»

Иванов В. И.

Математическая колыбельная. Стихи и е-байки для внучат /
В. И. Иванов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831788-0

Стихи и е-байки для внучат. Мы все чьи-либо внучата. Из моих воспоминаний в бытность сумасшедшим:— Доктор! Я — безумен, потому что не способен отыскать свое место в этом мире? — Не волнуйтесь так, этот мир безумен в большей степени, и ему еще трудней занять должное место среди здоровых людей. Самого бравого солдата звали Швейком, а даже самого храброго Ивана считали дураком.

ISBN 978-5-44-831788-0

© Иванов В. И.
© Издательские решения

Содержание

Математическая колыбельная	7
Невольный бог	13
Провороненный ошейник	14
Водоворотоспособность	15
Манна небесная	16
Светлая дюжина	17
Собакам Шувалова	18
Лесная небылица	19
Буйный дон и алые ПРЭ	20
Сердечный выхлоп из моторного отсека	23
Сантехник-сан	24
Дурацкая беспечность обеспеченности	25
Уходящей весне	26
Адский Сэйл на Райской плаза	27
За полчаса до последней весны	28
Кастинг с нежной королевой	29
Чуткой Музе буфета	30
Радужная мантра	31
Автоматическая черепная коробка приматов	32
Рассматривая черные оттенки серого	33
Эхо от Never до Ever о яловках	34
Нерезиновые мечты о нерезиновой	35
Навеянное новогодничное	36
Тест Бонифация и Чебурашки	37
Истец в Таганском суде от третьего лица	38
Браткам кискобрatii об Ику-ику-ы-ы-ы	40
Разрезая финишные ленточки	41
Разборка с осколками вечности	42
Растительной музе	43
Суперсмазка для смазливости	44
Такси до Святой земли или гороскоп для сатира	45
Территория Тиристории	46
Гимн буквицам Ижица, Иже Ижеи Инить	47
Ыку ыку ыку ыыы	48
Заброшенная богемия	49
Прощание с зубом мудрости	50
Ледяная роза с нежной королевой	52
Мир липовых ценностей	53
Небесным ласточкам	54
Хрустальный дождь	55
Об интимных связях ушей и глаз	56
Limited или ограничен в правах	57
Гностика кармы	58
Трёхнародная стихия и поэтика	60
Черно-белые параллельные миры	61
Вегетарианский Хэллоуин или Оранжевая Сутра	62

Моськов, горе от Дюма	63
Свинарки и пастух	64
Клерикальное	65
Аня и Дорифор	66
Адвокатам бесовщины	68
Орден за гречу	69
О прекрасных бесах тихого омута	70
Нормандия без Немана	71
Рецепты любви	72
Зализанный хитроплан	73
Одна кадровая история	74
Клин Блинтон	75
Ночная бабочка и Шкаф	76
Покемон Дитто и Ваня с яйцом	77
Неразделённая осень	78
Политкорректность	79
Удовольствия в наслаждениях	80
Бяки буки или о Хоти вольной и невольной	81
Аврора	82
Дело Мира о песочных часах со псаками	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Математическая колыбельная Стихи и е-байки для внучат Владимир Иванов

© Владимир Иванов, 2017

ISBN 978-5-4483-1788-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Математическая колыбельная

Ш- Ш- Ш

Сладко пело море: – Раз,

Ш-Ш-Ш

Напевало море: – Два,

Ш-Ш-Ш

Нежно пело море: – Три,

Глазки кулачком не три.

Раз, два, три, четыре, пять,

Будут детки сладко спать.

Шесть, семь, восемь, девять, десять

Засыпаем дружно вместе.

Мяу-Мяу Мур-Мур-Мур
Сладко муркнул котик: – Раз,
Мяу-Мяу Мур-Мур-Мур
Напевал котёнок: – Два,
Мяу-Мяу Мур-Мур-Мур
Нежно пел котёнок: – Три,
Глазки кулачком не три.
Раз, два, три, четыре, пять,
Будут детки сладко спать.
Шесть, семь, восемь, девять, десять
Засыпаем дружно вместе.

Куд-куда, Куд-куда
Запевали куры: – Раз,
Куд-куда, Куд-куда

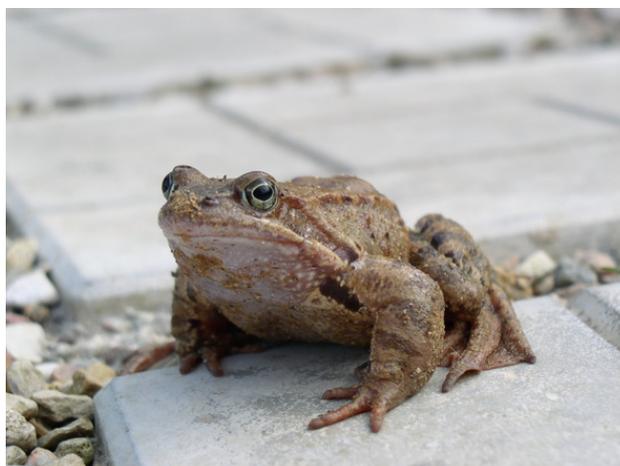
Напевали куры: – Два,
Куд-куда, Куд-куда
Распевали куры: – Три,
Глазки кулачком не три.
Раз, два, три, четыре, пять,
Будут детки сладко спать.
Шесть, семь, восемь, девять, десять
Засыпаем дружно вместе.

Гав-гав-гав
Тихо лаяла собачка: – Раз,
Гав-гав-гав
Нежно лаяла собачка: – Два
Гав-гав-гав
Сладко лаяла собачка: – Три,
Глазки кулачком не три.
Раз, два, три, четыре, пять,
Будут детки сладко спать.
Шесть, семь, восемь, девять, десять
Засыпаем дружно вместе.

Га-га-га
Гоготали гуси: – Раз,
Га-га-га
Гоготали гуси: – Два,
Га-га-га
Гоготали гуси: – Три,
Глазки кулачком не три.
Раз, два, три, четыре, пять,
Будут детки сладко спать.
Шесть, семь, восемь, девять, десять
Засыпаем дружно вместе.

Ква-ква-ква
Запевают жабы: – Раз,
Ква-ква-ква
Напевают жабы: – Два,
Ква-ква-ква
Распевают жабы: – Три,
Глазки кулачком не три.
Раз, два, три, четыре, пять,
Будут детки сладко спать.
Шесть, семь, восемь, девять, десять
Засыпаем дружно вместе.

Бе-бе-бе
Запевают овцы: – Раз,
Бе-бе-бе
Напевают овцы: – Два,
Бе-бе-бе
Распевают овцы: – Три,
Глазки кулачком не три.
Раз, два, три, четыре, пять,
Будут детки сладко спать.
Шесть, семь, восемь, девять, десять
Засыпаем дружно вместе.

Иго-то-го
Запекает лошадь: – Раз,
Иго-то-го
Напекает лошадь: – Два,
Иго-то-го
Распекает лошадь: – Три,
Глазки кулачком не три.
Раз, два, три, четыре, пять,
Будут детки сладко спать

Шесть, семь, восемь, девять, десять

Засыпаем дружно вместе.

Невольный бог

Трудно быть богом в неволе,
Хоть – на гвоздике, хоть – в поле.
Кнутом щёлкнут и покажут свечку,
Кочергою двинут и сунут в печку.

Твоя воля идет вечно вразрез, чем изрёк,
Хоть и вместе, но дорога твоя поперёк,
Молока ты приносишь не столько, не в срок,
Видно в школе богов был пропущен урок.

Вместо – Слава и с нами опять поиграй,
Веселят опять тоскливым – Дай!
Чтоб в карман зажать от своей Мани,
Новый бог, с молитвой – мани, мани...

Ты – дух, ты – сын, отец, творец,
Телец, телок в кругах овец,
Ты – сединою бес, ребром – опора дам,
Ты – око, – Всем досталось по серьгам?

Провороненный ошейник

Щенок по улице бежал,
Ворон вокруг не замечал.
Ошейник он забыл в кино,
Там два часа темным-темно.
Его рисковая затея
Нестись, ошейник не имея,
Средь птиц произвела фурор:
Был слышен гомон их и ор.
Лишь пса вороны увидали,
Кар-кар они захохотали!
Ты где проворонил ошейник?
– Прилипли они, как репейник.
Был ими так щенок смущён,
Что стал пернатыми прощен.
– Спешу, малыш, к себе домой,
Тебя искал хозяин твой!

Водоворотоспособность

Ручей весенний радостной струей
Опушку леса огибал дугой,
Он сообщил, – Весна пришла домой,
И подмигнул осине вековой!
Скатился с перекатом он потом
И с янтарём столкнулся лбом.
Янтарь смеялся, что есть мочи,
– Опять вода тут камень точит!
Но наш Ручей не унимался,
Журчал, с Осиной совещался,
– Хотел я осчастливить лес,
А тут Янтарь внезапно влез!
Ответь премудрая Осина
Как сдвинуть Камень без дубины?
– Ты, Алатерь попробуй обогнуть,
Чтобы продолжить дальше путь!
Тот камень обернул волной,
Обнял и потащил с собой.
И по дороге камень обкатал,
Да к морю синему его пригнал.
Да так устал, что в пар взопрел,
И к небу тучкой лёгкой улетел.
Там пролетал кругом Ручей наш в неге,
И лишь к зиме вновь выпал снегом.
Укрыл собою поля, овраги и долины,
Знакомый лес и спящую Осину,
И до весны там с ними задремал,
Пока всех птичий гомон не поднял.

Манна небесная

И снова, зимняя метель
В окне рисует акварель.
И будем жить меняя планы,
Переворочав горы манны.
Откуда силы взять сумел?
Я в детстве много каши ел.

Светлая дюжина

Спасибо, всем затейливым родителям,
Нашей судьбы живым святителям!
Не дрогнули зевнув и не подкачали
И нас на свет во тьме людьми зачали.
Промчался год, никто полета не заметил,
И первый шаг был сделан по планете.
Улыбкою внука разгоняет мыслей тучи,
Ручонки тянет: «Дед, возьми меня на ручки!»
В кого она? В деда? В отца, в мамашу?
Мне, отчего она девиц всех прочих краше?
Так, не заметно пара тысяч дней промчатся,
И предстоит с портфелем в школу собираться.
В земных кругах, такие вот космические лета
Быстро растёт смешная, маленькая Эта.
Ми, МА, ААА и Ма слогов неясных чехарда,
Де, Ба и Па, всё остальное в жизни – ерунда.

Собакам Шувалова

– Дай, Корги, ты на счастье лапу мне.
– Так не давили мне на лапу сроду.
Давай с тобой расскажем о цене
За перелёт в ненастную погоду.
Ну, не давите вы на лапу мне.
Подумаешь, собаки, нечего сказать?
Поймите все, хоть самое простое.
Что же такое жизнь, вам помогу узнать,
А жить в квартирах маленьких не стоит.
На дачу капельку на самолете полетать,
Или жене помочь, собачек прогулять.
Коррупцию найти? Ну право, чудачки какие,
Мои все суки защищают честь России

Лесная небылица

Всё случилось по забвенью, словно встарь,
Кое-как в имперстве плюс седьмом безбожником,
Самочинно правил царь – самозванный государь,
Его ко всюду прилагали, и прозвали – Подорожником.

На указы его клали, вертикалью величали,
Но случилась, что пришла беда горизонтально,
От А до Бэ, что сидели на трубе и подкачали,
И выходят законы, что будет отныне печально.

Всем будет велено дракона отыскать и одолеть,
А где искать? Так есть тому одна примета.
Белой башкою – копия орла, а глубже посмотреть,
Черней хвоста и зада, в мире больше нету.

Стал Иванушка-дурак на печи указы царевы читать,
О царства половине и царевой дочке мечтать,
А мамаша ему твердит, в тривосьмое не ходить,
Чтобы какой пакости из молочниц не подцепить.

И в тридевятое к ведьмам не ходить косматым,
Они в грибках, все в перхоти и были под рогатым,
За гаджетами, что с яблоком впустую не гоняться,
Тем блюдечкам не раз судьба еще меняться.

К голодным девкам не ходить, изжарят хуже печки,
Они его любвеобильное, незакаленное сердечко.
Может у них и избы ничего, да ножки как у куры,
И курят немало в чаду обычные наглые курвы.

Подумал Иван про гондольеров, галеру с ладьёю,
Про мэра оленьего, бабу с косою с палёнки бадьёю,
И тихо в деревню мобильную печь отогнал,
Пока звероящер и её невзначай не прибрал.

И скажут другие, – Чай, Иван был дурак,
Царя не любил, да всё сделал не так,
А эти простые фигуры – губами своими не дуры,
Немые носители русской культуры.

А что Подорожник? Всё будет как встарь,
Достанут иглу из дракона, кощем его отмытаря,
На смену башки двухголовой привяжут две утки,
В телегу Медведя впрягут, на час передвинуть сутки.

Буйный дон и алые ПРЕ

Я к Музе страстно пристрастился,
Что кажется сильнее, чем влюбился,
Но музами никто не может управлять,
Раз слово выпустил, обратно не забрать.

А в бухте радости и в том таится соль,
Мечты воздушнее, как алых пре Ассоль,
ПреМудрость жизни сказочней принять,
Когда всю суть об этих Пре понять.

И разрядить всех мыслей обстановку,
Необходима лёгкая перестановка.
Прелестна сказка о Пре Красном, их немало,
Хотя бывало это парус называли алым.

Чтобы любой на свете ветер обуздать,
Достаточно суть паруса в себе прознать.
Спортсменам в бухте Радости одной,
Разгона нет, знает почти любой.

Им вечно палубу Прекрасную топтать,
Чуть тербя концы канатов. унывать.
А ты легка, Прекраснее, чем парус кораблю,
Ты современна, генератор слов – люблю.

И разобравшись чуть с души дизайном,
Всех ПРЕ тебе я приоткрою тайну.
Куда мы прём, с своим рулём?
ПРЕлестниц мы не признаём?

Не памятник в сомненьях рукотворных,
Что вдруг застыл в руках проворных.
Пока жива во мне природа,
Я проживу на благо рода.

И пусть чертям важны парады,
Мне всех милей родные бабы.
Зачем философу было жениться?
– Шептала страстно мне девица.

– Тебе ж и так с полсотни даст,
Когда умён, душой – не педераст.
ПРЕ-мудрость женскую люблю,
Все ваши ПРЕ, как парус кораблю.

Ну все, не слыть мне мудрецом,

Селфи заснял другим концом.
Нет губ, груди или пивного брюха,
А только, как мое пылает ухо.

Сакральным знанием не удивите музу,
А чувствам они к месту, ниже пуза.
Друзья простят мои сомнения.
К лицу ли нам плод просвещения.

И при знакомстве скором с водкой,
Схватить по уху сковородкой

PS

Об алых Пре, девушках с веслом и почему ослики поют И-Я. Все сказочные женщины Пре-Красны и Пре-Мудры, а каждому Пре и так ясно, чего следует ждать, не других парусов, пусть даже алых, а крепкую мачту с судном и рулем, чтобы весь ветер направить к своей цели. Конечно, можно и на веслах потрепыхаться, как на флагштоке, но это больше похоже на первомайский петтинг солидарности со всеми потеющими. А что ослики. так у них только ушки, как у играющихся кроликов, хотя, им тоже медового нектара охота, вот и поют: «И-Я! И-Я!» и пытаются вытащить что-то, впопыхах, из парусиновых штанин.

«Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас». Евангелие от Матфея (гл. 7, ст. 6) Жить, как дети со своими вопросами зачем и посему, при любой попытке навязать волю извне? Или привыкать, что нас тычут носом в песок со словами, чтт так надо и нельзя?

Мы часто забываем о важном вопросе ПОЧЕМУ, стесняясь показаться невеждами умникам торгующим шаблонами и чужими аршинами Прокруста, запоминая лишь одно ЧТО, тем самым превращаясь в послушных последователей тех самых табуинов или еще хуже, создателей собственных табу без всяческого возлюбви. Вместо попытки разобраться в себе и разглядеть жемчуга истинных знаний, продолжаем способствовать свиньям, втаптывающим бисер в грязь невежества. Сколько их развелось вокруг нас, с ненавистью выдумывающих очередные НЕ, забыв о главных правилах света – прежде возлюбви, не убий, не укради, не прелюбодействуй и не искушай САМ. Что есть ПРЕ? Кто еще помнит о парусах и ПРЕкрасном, сохраняя кораблю его ПРЕмудрость, чтобы не залечь пустой болванкой в далеких степях. Однажды, знакомый психиатр сказала, что настоящих буйных легко отличить от беснующихся тем, что последних достаточно привязать к кровати сетке и дожидаться пока те угомонятся от беСсилия, а настоящих буйных мало и те способны молча отвязаться, раздобыть дверные ручки, ключи и только глухие решетки и доброе слово санитаров способно их унять. И самое главное, у настоящего буйного история болезни должна соответствовать материалам дела, для главврача и судей, ты буянишь не просто от раздвоения личности, а во имя ПРЕ-КРАСНОГО далека для ВСЕХ. Кто рано встаёт, тому Бог даёт, что встал. Остальное на твое усмотрение за все прожитые годы.

Хотя возможно, с точки зрения табуирующей раболепной морали особо чувствительных сограждан, все эти совместные годы с любимой невенчанной женой можно отнести к прожитым в грехах смертных и в сплошном прелюбодеянии.

Почему у нас, вместо ПРЕподобных стали жаловать мучеников, а ПРЕподаватели ПРЕвращаются в учителей учеников?

Из-за бестолковых словарей, утерявших главный смысл ПРЕ и записавших их в учебники обычными ПРЕфикциями для табуинов (любителей всяческих табу). А повстречаются

по пути знаки ПРЕпинания, то пусть они будут исключительно верные. ПРЕ. – мн. «паруса», только др.-русск. пр;, Куда мы прём, с своим рулём?

Красный=алый, а паруса=Пре, что по толковым словарям сверяю, то есть Алые Паруса выходят очередной красивой перепевкой про Ассоль Прекрасную. Вот такая мистерия про таинственную улыбку Джоконды, где всё – символически просто.

Сердечный выхлоп из моторного отсека

Ты столько оборотов намотал.
Ещё, ты сколько тысяч промотал?
Одних тянул, других толкал,
Вся жизнь – один лишь коленвал.
Другим свой трудно сделать оборот,
Крутнуть нет сил и в жизни не везёт.
Ты бы и дальше шелестел поршнями,
Когда бы им покоя кольца не давали.
А так для каждого по своему горшку,
Чтоб крепче сжать и дальше по уму,
При каждом обороте, чтоб не сник,
Раскручивать своей фортуны маховик.
И при свечах горючего хлебнуть,
Реанимация искрою, – Снова в путь!
Здесь по-новому кипит, угар в нагар,
Крутнись ещё, пока мотор не стар.

Сантехник-сан

В деревне с плотником жила одна девица,
Была она в сложении сказок мастерица,
И от сантехников случалось оной зачинать,
Чтоб было, что потом подругам рассказать.
Как от сантехника к ней снизошёл святой духан,
Что он – не хам, когда немного только пьян.
А что подруги? Они, ей веря, соглашались,
Сами про дух святой былин обсочинялись.

Дурацкая беспечность обеспеченности

О дурочках прелестных сей сюжет,
У них есть дом, в котором печки нет,
И ждут по-осени они весны, порой.
При них дурак, ужас какой.
Для всех знакомых,
– Он на печи умчался с дома!
Всё есть, а печень не печет и нет фигуры,
Есть ожиревшие в своей гордыне дуры.
А дураки по свету носятся с печами,
С одной куйнёю за плечами.
Так и дошли мы до бездушного оргазма,
Не вынеся душевного сарказма,
Желудком сердце до земли прибито,
А тело ищет общепита.
Дарить любовь, что ещё проще?
Лишь, продавать мослы и мощи.
PS Куйня – продукт кузнеца Вакулы, для обмена на царские черевички для панночки.

Уходящей весне

Цвет зарослей черемухи душистой
Зонты сменили бузины пушистой,
Сирень садов меняет цвет за цветом
И вот, весна стремится в лапы к лету.
С весной прошел романтики налёт,
К лету вернулись трезвость и расчет,
С цветом истек нектар пчелам в пример,
Лёгкость цветов сменяет ягодок размер,
С природой спорить – время зря терять,
С плодом своим, всяк будет зимовать.

Адский Сэйл на Райской плаза

Их розовая жизнь – реклама батареек,
Другие улыбнуться, так себе семейки,
Громко стучат и чётко, по уставу барабанят,
Но распродажи их всех больше манят!

Моднейших граждан там кружатся своры,
Доверчивых лохов в кругу льстецов и воров.
Царит там алчность с видом благородства,
Расчётливость души, расстройство и уродство.

Он видел, как божественным огнём грелся мир,
Бредущий с факелом отца, сатирический кумир.
Жизнь отыграть в смешных ужимках обезьянок,
Страдая от сердечных ран и случайных ранок.

Чтобы потом вокруг людей, собрались чучела,
И о твоих служанках с Витей что-то промяучили,
– Ярмарки площадь, что теперь всегда вокруг,
Петрушкам рай, доходных мест сердечный друг.
PS PRO Сальные новости

Незаметно для себя, мы оказались в мире торжества информационного мусора для Элочек Щукиных или Фимочек Собак на мышинном языке переписывающихся новостями о сыре и обменивающихся вырезками из модных журналов о тушканах, и барсиках жалкой Вандербильдихи. Кому нужны современные поэты, если душки и с АСами не в ладах настолько. что даже звука о Пушкине бояться, как черт ладана, прикидываясь пацифистками или растительными.

За полчаса до последней весны

Слюной исходит нынче пена, СССР кляня,
Что секса не было с машиной у меня,
Предавших заветы, присосалось много,
Не стать во дворе, не объехать дорогой

И не заставишь работать ты ловкую блядь,
Есть пост сторожить, и постель, где сосать.
И не исправить уже словом мелкую уродину,
За иномарку мальчишка предаст и Родину?

Кастинг с нежной королевой

Каким смешным бы не казался этот Дед,
Одет в халат или изысканно раздет,
Своих оленей гонит к морю он,
Или ползёт по пробкам в Мореон.

Весь в модных самогонных веяниях,
Или разведать что-то новое у Ксении,
Чуть рассмешить свой седую бородой,
Это декабрь, месяц пришел такой.

И если сизым кажется огромный нос,
Прости его, такой теперь Мороз,
Невежлив к бабам и валяет дурочку,
Так это он искал к зиме Снегурочку.

Потел и там и здесь он всех быстрее,
На кастинге снежинок, заек, Мизгирей.
А впрочем есть традиция у нас такая,
С друзьями в баню и пусть сами выбирают.

Чуткой Музе буфета

С надеждою гляжу в глаза самой Надежде,
Вы, извините за настойчивость меня, невежду.
Вы – женщина, другой не вижу я причины,
Понять в глазах тоску голодного мужчины.

Вокруг, все запивают воду, словно балерины.
Зуд из меня, почти комарик малярный,
– Здесь, кроме силоса, хоть есть поесть кого?
– Вы подождите, будет мясо, полчаса всего.

Спасительница тех, кого в буфете рок собрал,
Чтоб никого в той суматохе я не покусал,
И все бредут вокруг неё суетливой толпой.
Не зная, что живут, этой Надеждой одной.

Радужная мантра

(Моей боевой подруге по светским тусовкам певице Злате Божен – посвящается)

Пульсом стучит во мне мантра одна.
Как с неба стекает на землю вода.
Я в воду, раздевшись, смело войду,
И к небу, взлетаю, я словно в бреду,

Фарш невозможно повернуть назад,
Моей любви ты не был рад.
Тебе дарила всю себя,
Ты не сберег эту силу огня.

Царевной-лебедем раньше ты звал,
И верность мою в свои руки прибрал
Небесной воды охладевший поток,
Мне вычерпал силы земной голубок.

Фарш невозможно повернуть назад,
Моей любви ты не был рад.
Тебе дарила всю себя,
Ты не сберег эту силу огня.

Пульсом стучит во мне мантра одна.
Как с неба стекает на землю вода.
Без огонька, вздыхая одна уж давно,
Как камасутру читаю эту мантру в окно.

Фарш невозможно повернуть назад,
Моей любви ты не был рад.
Тебе дарила всю себя,
Ты не сберег эту силу огня.

Мне птицы щебечут в окошко ответ,
Что лебедя верного поблизости нет,
У синего неба лишь радужный след,
А глупый охотник желает и ищет ответ.

Фарш невозможно повернуть назад,
Моей любви ты не был рад.
Тебе дарила всю себя,
Ты не сберег эту силу огня.

Автоматическая черепная коробка приматов

Как часто тайны выдают не ноги
Про изворотливость в постели,
Движения других с большой дороги
Хоть за рулём любой автомадели?

Мужчины, женщины, всем бывает,
Размеры черепа уже не помогают.
Когда приматам мозга не хватает,
Они в движении мысли отключают.

В движениях – разбойны и без правил,
Хотя шустры, маневры их без логики, Как будто током кто слегка ударил,
И вслед летит посыл о педагогике.

Подрезав нескольких уже который раз,
Включаем очевидность некоего орала,
Молча душа кричит, кипя завидев вас, – Свои права, ты тоже где-то нас-о-сала!?!?

Рассматривая черные оттенки серого

Встречаешь часто изворотливых ужей, Гранат за пазуху метни гадам скорей.
Хоть, зачастую, они вовсе безобидны.
И это по головке в пятнах ярких видно.

Сжалось энергии вулкан в один кулак,
И жала спрятаны примерно за зубами так.
Рука в руке – как всё ужасно с милым мило,
Дерни колечко, пока время не застыло.

Подспудно мыслей перебрав картинных строк,
Я вспомнил о приятных исключениях урок,
И если в этих образах оттенки ничего не значат,
Уж. Замуж. Невтерпеж с гранатой, не иначе.

Эхо от Never до Ever о яловках

Им скольким котелки с короною сорвала
Команда: «Умным – налево, а красивые – направо»?
– О, Эврика! – встретив былых подруг,
– По стати, молока стране давать за двух!

Да много ль кормилица даст молока?
– Не выдоишь за день – устанет рука!
На вечный never, ever отзывалось Эхо,
И всеми студнями тряслось от смеха.

– Кто ловче? Ловче всех на свете я! —
Мычала дружная яловых всех семья.
Священных нас не стоит с молоком мытарить,
Разделать ловко и неспешно жарить.

Нерезиновые мечты о нерезиновой

Я стал свидетелем лактации бобовой сои,
Без мяса пирожок я пожевал в кафе у Зои,
Вкусил полпуда соли, находясь в нирване,
Играл я с морем, разгоняя волны в ванне. Осталось захмелеть от кружки нулевого пива,
Чтобы понять, что жизнь в мечтах – красива.

Навеянное новогодничное

Вот время новостей и к плазмой мерцалищу,
Седалище мощу я на огромное диванище,
Но жуткая рекламища все прерывая ожидания,
Всё зыркает, а не храню ли денег в том диване я.

О беСпардонище в чести, и беСлимитще сверх меры,
Нет смысла. даже как-то приводить примеры,
И в плазменных мерцалищах, на огромные денжища,
Нам низким штилем обрисуют жизни днище.

Мелькают табунами на каналах лица без ума печати, От попрошаек привокзальных,
их уже не отличать,

Видать давно случилась тайно небольшая акция,
В телеканалы провели от нечистот канализацию.

Могли бы, если честно, настоящие мужчины,
Дедушку так мучить, без всяческой причины?

Виной всему лихие деньги, и ночной порою, Кружат, как лешие в избушке с костяной ногою.

Позолотить им ручки, как лихим цыганищам,
Чтобы прознать о ДедМорозовых пристанщах, И охранит меня от вакханалий с Ново-
годищем, Конец с Останкинским на голубом газу Огнищем.

Покажут снова все, от крупного до мелкого удища,
А если газовщина утекай, то нос защепплет от вонища. И сколько вслух одних удары
дюжин не считай,
Есть красной кнопки опция – нам всем дорога в рай

Тест Бонифация и Чебурашки

И льву, и тигру можешь выдернуть усы,
А если нет усов, то подойдут и зубы...
Зачем? Да просто вырвать для красоты,
И чтоб нежнее были поцелуи в губы.

И кукла – пострашней чем лютый зверь,
С ней жить, не поле перейти в рубашке,
А дел осталось – в будке открыть дверь,
Обнять, разгладив ушки Чебурашке...

PS Зая призналась, что её результат – Чебурашка, самый ласковый и нежный зверь?

Истец в Таганском суде от третьего лица

Марксистский три, нас ежемесячно влечёт сюда,
На этот бесконечно милый час суда,
Где взгляд судьи суровой ликов прокуроров,
Ах, что за прелесть – судья Юлия Тимакова.

Да, ваша честь, здесь к иску от истца,
Ходатайство добавлено от третьего лица,
Закон и справедливость, в них истоки,
Поговорим, пусть истекли давно все сроки.

Вам уголовных дел уж более, дано с лихвою,
А в коридорах всё гражданские толпою,
Приперлися заразы, кто с повесткой, а кто без,
Так бы за раз и всех валить отправить лес.

Напрасно сети говорят, что под копирку,
Бюджета здесь с усердием латают дырки?
Да, у Альтов из БанкиРу уж отсвистели трели,
На сайте АСВ запели сказки менестрели.

По всяким сказам, на простом на взгляд КаБэ,
АБ сидела, но – не – на газовой трубе.
Пропето песен всяких было уж немало,
Про банк и миллионы роз без Аллы.

Как в этом рыночном от Муз затейливом приколе. И дольщиков, и вкладчиков за все
огрехи колют,

Как пионеров юных в вражеской спецшколе,
Что мы доверившись закону, оказались в доле.

А что им доверять? – спросите Вы.
– Уполномочен банк правительством Москвы!
А если новости все черпать с интернета,
Так мы давно живем уже за краем света.

Так заявляю именем от третьего лица,
– Те деньги где, с какого спрятаны конца?
В банке с меня их праведно списали,
Истцам зачисли, проценты насчитали.

И вдруг какой-то молодец тут заявил,
– Что им конец! И нам фантазий намутил,
Что денег как бы нет, их кто-то прокутил,
А интернет, про них, что есть, нам нагуглил.

А что с судом? С Таганским мы уже знакомы,

Здесь, право, дышлом правят старые законы.
И под давлением субъективных обстоятельств,
Перенесут или пошлют, без прочих обязательств.

И к делу мы ходатайств чуть присовокупим,
Что ни копейки денег честных не уступим.
Истцам в Таганском от начала без конца,
И дальше я сочувствую от третьего лица.

Браткам кискобратии об Ику-ику-ы-ы-ы

Про хоть свою, хоть акай, икай, охай,
Но в глубине души самой широкой,
Таится Досин тёмный тупичок,
И точит эту душу словно червячок.

И полегло вокруг уже немало чудаков,
Что экономят с тою Досей пятаков,
И заработать в водку добавляя пиво,
Забыв. что после руки станут криво.

Мир Мыру, Миру Пыво, даёшь за Пис закон,
Да только с писом Дося лезет на рожон.
Дешевле? И хоть рожон не трепетная роза.
Всё чаще в шаровары его прячут от мороза.

И шаровары стали те теснее, чем колготки,
А разговор про страшных кис и мало водки,
Так променяли верность жинок мы на шинок.
Базарно продаваться с теми визами на рынок.

И как бы широко не раздвигались ляжки ляха,
Без визы, с визой, круче Пиза для лихой девахи. И не сподвигнуть ни на дружбу, ни
на роды,
Из-за печенек, насмерть, убиваются народы.

На тридцать чатлов их Хортица дешевле нашей,
За них под дудку шинкарей неужто пляшем?
Так и сумели разделить славянские народы,
Шальные бабки, спирт и углеводороды.

Адским огнём вокруг пылает эта газировка,
Одних – согрей-ка, а другим – судьбы воровка,
Третьим горит последним во звезде огнём, А где-то градом сносит крышу, разрушая
дом.

PS Суть политики в том, что война – фигня, а главное своими манёврами добиться раз-
дела зрителей в соотношении примерно пятьдесят на пятьдесят, демонстрируя поочередно
кнут и пряники. И что это за кадровая служба в нашем МО такая, что прапорщики на сопредельную территорию за дешёвыми дипломами, как за забытой водкой заныривают без под-
лодок малюток?

Разрезая финишные ленточки

Стремилась к небу многотонная броня, Последний сон былых бойцов, храня, За их спиной – рубеж, столица и страна, Назад хоть шаг и будет вовсе всем хана.

Что кровь лилась сильнее кровавого ручья, Уж внукам не напомнят лентами из кумача, Не чтят уже ни дедушку, ни дорогого Ильича, Без истинной любви срубили всех сплеча.

Забыт страшной войны стальной главком, Который, собирал страну железным кулаком, Где нынче с разношерстными полками, Стену раздора укрепляют между нами.

Владимиров мы нынче собираем пачками, Иль достаем монархов из былой записки, Полков потешных, что на предков славе, Меняем на союз ночных овец с волками.

На всех дорогах надоели эти пустомели, Чьи ленты пыльные торчат из каждой щели. Крупнее новые крестам и жезлам монументы, И наших девочек не в номера, в апартаменты.

Разборка с осколками вечности

И скольким котелки с короною сорвала, Команда: «Умным – налево, а красивые – направо»

Вновь, по заданию от Снежной королевы, Я разбираю Вечность на осколки и примеры.

С заблудших буквиц пыль забвения стираю

И как с живыми звуками с ними я играюсь. Давно известно, что на лёгкость муз, Мыслей и чувств мы возлагаем груз.

Взявшись за гуж, им мило улыбнуться, Расправить крылья, чтобы не споткнуться. Парадоксально, но в рюмочной или пельменной, Охотней принимают, чем все слуги Мельпомены.

Имею трудности я с глубиной их прочтения, Придётся будоражить режиссерское умение. Пусть говорят, – Поэт влюбленный в Муз, однако, По-прежнему опасней сексуального маньяка.

Растительной музе

Бывают с нежной музой встречи,
Сложнее всяких расставаний,
Приблизившись, обнять за плечи,
На поцелуй, воздушно-натуральный.

О латексе беседа и банальной аллергии,
О нынешних оболтусах и прочей ностальгии.
Вдруг к кофе, вместо молока, отжимки сои,
Мужчин бобовые стручки и дамы из фасоли.

Неужто в стан чужой перебралась и Эта?
Чужих учений, как фальшивую монету,
К реальности – опустошенье Йоги,
Хотя, чужих заманчивы дороги.

И выйдя из себя, опять рычу, зверея,
Домашний фикус твой, он – враг гевеи,
Той самой, чей сок, застыв молочный,
Порой мешает многим заснуть ночью.

PS Растения. Мы охотимся на них или они на нас? Аллергическая реакция на растительную продукцию случается чаще чем на коровье молоко, о чем предпочитают умалчивать производители растительных белков и жиров. А некоторые сочетания растений, только усиливают аллергические реакции, в том числе Фикус домашний VS гевея бразильская – растения антагонисты. Фитонциды фикуса, к примеру, только усилят аллергическую реакцию на латекс.

Суперсмазка для смазливости

Смешна становится эпоха дашь на дашь,
В перепинг-понг своей ракеткой не промажь,
Да шарик пуст и между ними хуже сетки,
Для жизней новых – латексная клетка. Т
ак и снуют они от дома к дому
Пачки, по уши в смазке от кондомов, Недопинг-понг с изделием номер два,
От силиконов пухнут губы и шальная голова.

Пачка – пресыщенное, упакованное лицо (жарг. прим. автора)

Такси до Святой земли или гороскоп для сатира

И если что-то сразу не сбылось, То так давно уж в мире повелось, У звезд свои прописаны законы, По укрощению неистовств Скорпионов.

Два года тайной страсти удушение, Для эректильной функции крушение, Теперь, красотка, только – милый друг, Хотя, случись в такой мороз, а вдруг?

На четверть века, сбросив расстояние, Мы на авось и вспомним состояние. Стальные треугольные тиски

Жгут пальцы и стучат в виски,

К чему был этот томный вечер, Если без лунной ночи встреча?

Не одолеть троим, сей Тропик Рака, Прав Генри Миллер – хороняка.

Хоть к северу и ближе Козероги, Сатира изумить, все раздвигают ноги. Нет прежним удовольствиям Сатира, Жить ради наслаждения мира.

И в той психической соматике души, Самолеченья средства, тоже – хороши. Бывает так, живешь по воле уда, И только тем хорош, что не Иуда.

PS Зачем мы живем? За всех не отвечаю, но гении – приходите раньше своего времени, а красивые девушки – всегда опаздывать, что делает их одинаково непонятными остальным современникам.

Территория Тиристории

Самой забавной верою среди диодов, Была, что переменный ток рекой течёт, Так, воспитав немало поколений идиотов, Идея торжествует и в процессорах живёт.

В Три-А-Надо – детвора снежки метала, Пока не получилось, вроде – Три-А-нала. И продолжался б с этой бандой бой, Да дальше только пикни, враз, изгой.

Что по-французски обществом зовёте, На русском прозвучит, – Сосьёте?

Напрасно с пеною у каждого забора

Наглых людей читая всё, смеется свора.

– Здесь на три буквы будет сказочный архив

А пену монтажа вам отдерут до дыр. И крепёжа вопрос – первостатейный, Передавался с тайной многих поколений.

Шараш-монтаж нехватку скотча, непременно, Восполнит прочною монтажной пеной. Они, конечно, все и жулики, и зачастую – воры, Но какой друг им приказал запенить так заборы?

Кто стрелки, чтобы легче их переводить, Велел им проволокой прочней крепить?

Чтобы никто причины так и не узнал. Внезапный снег никто обратно не убрал,

Так он и падал, все следы и бездорожье заметая, И только самые наивные стоят и ждут трамвая. – Не пасть, – здесь каждый шире ноги расставлял. Да думал. – Чёрт бы вас всех давно б прибрал.

К чему такое, вдруг, обилие букв и слов?

Язык забора из трёх букв, что гневный острослов?

Попытка языком осей остановить вокруг злодеев, И диодам врёт тиристор, что токами они владеют.

Гимн буквицам Ижица, Иже Ижеи Инить

Молитва в буквах пустой звук, Больной душе молитва хороша, Когда она совсем отбилась от рук, И головой своей не может ни шиша.

Чтоб вынести всё бремя перемен, Молясь, не забывай вставать с колен. Ну, а владея языком и лёгким менюэтом, Не сразу станешь сказочным поэтом.

Своим французским многих я обижу, Но многим так, к Пегасу станет ближе. Язык продажен стал у современных бяки-буки, И вместо слов у них идут пустые звуки

Неправ с латиницей товарищ Луначарский, Два языка важнее – русский и татарский. Английский в моду входит и выходит, Немецкий – не удобен в нашем обиходе

Французский – дальше нашему спецназу. Испанская к нему необходима база. Алфавит наш придуман мракобесом,

И-нить отрезав, всех направил лесом.

И чарами луны от солнца отделил её, Привнесши вместо ижицы банально ё-моё, Так изменила небесам наша Земля. Вступая в связь, с лукавым из Кремля.

Часть языков испортил им товарищ Сталин, Трепаться стали ими, чуть выйдя из развалин,

И не спасает больше мир польская Врода, В семье славянской, как всегда – не без уroda.

Понять, что, как с буквицами старой веры, В моментах прошлого чудили изуверы, Долой пять тысяч лет от сотворенья мира, Для новых летописей их нового кумира.

Жизнь пролетает за минутою минута

Все наши дни расчерчены часами, Себе сейчас нужны или ещё кому-то, Ответа на вопросы мы не знаем сами.

Ыку ыку ыку ыыы

(Пацакская песня о чатланских прокурорах)

– Ыку-ыку-ыку-ыку-ыку-ыку-ыыы!

Мама, мама, что я буду делать?

Мне так хотелось Ленина судить, А на роду выходит, что поклоны бить?

В какую шкуру шкуру не рядите, Да, хоть своей избранницей зовите, Кармы печать
на слугах душ ловца, Бессменный паралич всего лица.

Они бесстрастны и бесчувственны, Во тьму страстей других погружены, Из материала
дел всё шьют узоры нам, Да не им судить, чатланским прокурорам.

Заброшенная богемия

В земном раю рогов, хвостов, копыт, священных ног, Уже забыл Сварог, что сотворяше – твОрог иль творОг?

Сварливых замечаний тьма, как верно творить надо, Громко мычит коров священных заблудившееся стадо.

PS: Мир мужей, при грубом приближении, можно условно разделить на выпивох, бабников, подкаблучников и прочих неопределившихся, которым театр жизни пытается навязать свои правила игры и лицедейства. И одни пытаются усердно играть по правилам, а другие улыбаются подобно Станиславскому, со ставшим вечным: «Не верю вам».

Прощание с зубом мудрости

Божественно тыходишь в кабинет
А нас туда нелёгкая заносит нет да нет.
Который раз, глаза зажмурив, как в ненастье,
Садилась в это кресло, разевая свои пасти?

Чего скрывать, и сам не раз, пуская слюни,
С надеждою следил я за глазами Юли.
Но цепенея, пасть раскрылась нынче зря,
Она уже сама шалит почти внутри меня.

– Да, вы – не змий, обычный крокодил,
Не прожевав бы, одним махом проглотил!
Внезапно, я с частицею себя теряю связь,
Под легкий хруст, как будто некий, -Хрясь!

Мне вместе с зубом мудрость удалили,
Хотя, без них улыбка стала ещё шире.
Но в той улыбке стало не хватать чего-то,
Так и брожу один, с улыбкой идиота.

Поэты плохо размножаются в неволе,
За что им муз положено одна и боле,
А поэтессам? Что-то о конях в ответе,
С Пегасами им достаются и мужья, и дети.

Поэт в России больше... виноват,
Хотя бы тем, что сам давно женат,
Своим глаголом сердца нахально жёг,
И кто теперь всерьёз ответит за поджог?

А муз невинных кто тут вечно теребит?
За пятьдесят, а всё судьба его хранит.
Живёт, в счастье часов не замечая,
Во снах всё чаще снов не наблюдая,

Всё наяву глядят, где муза их таится.
Чтоб зуба мудрости последнего лишиться.
И продолжаю разевать свой шире рот,
Как избегать сетей чужих, когда не идиот.

– Иди от-сель, – всё чаще слышу с Миром я,
Мир по другому жить стал, золото храня,
Так всё хорошее сложив на полку, на потом,
Остатки злого собираем мы беззубым ртом.

– Вы, как бы ближе к ногам моим подсели!
Такой неловкий! Как мальчишка, в самом деле.
– Как только после этой всей интимной суеты,
На, -Вы? – всё время забываясь, переходишь ты.

Поэт в России, даже больше, чем француз,
Иное отношение наше к поцелуям муз,
Устами отогрев прохладную подружку,
Не станем жарить, как последнюю лягушку.

PS Ученые утверждают, что люди стали жить дольше, но болезни к ним стали приходить раньше.

Парадокс? Психосоматика, всё хорошее думаем оставить на потом, открывая настоящее всему остальному. Современники не любили поэта, но продолжали тайно просматривать его публикации, – А не про них ли сочинена очередная ехидная эпиграмма?

Ледяная роза с нежной королевой

Привет, красавица! Проснись!
От неги утра смело отряхнись!
В такие дни мы забываем про морозы,
И ото льда нескромно отковыриваем розы.

Их удовольствий стал короче миг,
И хоть, без трепета с волненьем,
И чаще наслажденья утекают в стих,
Под рост сердечного давления.

Морозным летом осень улыбнулась,
Привет, любимая! Уже проснулась?
Солнца нет? Да в безпечальном лете,
Украдено лежит, морозами согрето.

В этом тумане нет и не было печали,
А что с другими, так их черти накачали.
Других есть много арабесок в мире этом,
Проснулась, так идём гулять с поэтом.

Неужто новый бес меня попутал?
Я вроде, лета дней и телефон не путал!
Бродил по этой улице совсем один,
Но с Миром, чудак, поэт, простолюдин.

Возможно, сей воскресный день не наш,
Родил он только в мыслях ералаш,
Меж нами пропасть в четверть века,
Где нет минут к рождению человека.

И в страстных лапах поэтического дара,
Смеёмся мы и плачем, как от пьяного угара.

Мир липовых ценностей

– А вам конфеты можно кушать на работе?
Или вы спирт здесь пламенный жуёте?
– Печалька! Грамотеям в медицине спирта нету!
Взамен там химия идёт за чистую монету.
В этой диете, как в химической войне,
Не отсидеться дома, даже, в сладком сне.
Так и уйдешь из жизни трезвой дурой,
Хотя, замечу я, с прелестною фигурой.
Тебя во снах я часто обнаженной вижу,
За что и спирт, тебя и сны люблю и ненавижу.

Липовый мед идентичный натуральному и как изменчив современный мир слов, и образов с ними связанных. Натуральный липовый аромат...

Как забавно, что во времена всего идентичного натуральному, даже выражение натуральный липовый аромат звучит человечней, при всей своей неоднозначности!

И только созидательный человеческий труд может превратить липовые липовые ценности в вполне осязаемые и обозримые, а чья-то чужая кожа оказаться второй своей.

Небесным ласточкам

А где – то ласточками вдаль летят электропоезда.
Другим пленительного счастья встретилась звезда.
У модных обтекаемых другие вышли стиль и стать,
Простой водой всех в панцирь ледяной сковать.

Я в эти сети, как в кабинет ходил, как на работу.
Но в льдах и интернет застыл, байт ни на Йоту.
Антеннок нет и загружаться килобитам неохота,
Валить деревья, чистить снег – всего одна забота.

Хрустальный дождь

И снег, и дождь, с ветром играя
И в безмолвном застывая споре,
Как пальцы, ветви гнут деревьям рая,
Одним – потеха, что другим – на горе.

Мой Мир глядел во тьму печально,
Под хруст дождя, ветвей и проводов,
И под ногами мир, залёг хрустальный,
Уже не в состоянии сбросить тех оков.

Березкам к дубу захотелось прислониться,
А за забором провода и наши каменные лица,
Кто с топором пришел, а кто пришел с пилой,
Чтоб с проводами свет пришел ко всем домой.

В соревновании жизнью жизнь всегда упряма.
Сегодня ты или тебя, короче – кротким драма.
И снова белочка в мою скребется дверь,
– Орехи есть? – Поди, сама в саду проверь!

Об интимных связях ушей и глаз

Любить положено ушами, —
Один глазастый шептал даме.
Тревожно ушки вдруг зашевелись,
И ожидая слов любви чуть распрямились,
С тех пор глаза во всю глядят где заек ушки,
Что нежно ловят ветер на макушке,
Проходят мимо, спрятанных в кустах,
Которым не понятны вздохи Ох и Ах,
И трутся глухо ухо к уху, без глаз,
До окончательной потери слуха.
Хотя другие могут стать злоключенья,
Глаз глаз переглядеть под сладкое варенье.
Да глазом глаз не выклевать, есть разница,
Хотя о равенстве позиций они дразнятся.
На этом кончу сочинять свою затею,
Как быть со слухом, зрение имея.
А кто не понял, он может враз,
И огрести случайно в глаз.

Limited или ограничен в правах

В округе бродит одичавший грязный пёс,
К Миру в глазах его застыл немой вопрос?
– Без родословной как мне выйти в люди?
А то верчусь голодный, как звезда на блюде.
Как в мире прав людских ограничений
Найти печенек без особых приключений?
Мохнатым рылом в мир людей какую ты судьбой?
– Пернатых птиц кормлю манной небесною порой.
– Так накорми, как песий брат, ты и меня!
– Лёгок искус, да суть моя – жить эту изгородь храня.

Песец вам будет хорошо

По просьбе неких москвичей, опять один известный департамент,
По-новой загнобить решил, и показать свой алчный темперамент,
Министр-олень с ухмылкой Дерамо, без мыла в ж@пу, уж который раз!
Нам от властей подарков мало, сковать весь город в грузовой каркас.

ЗЫ Особенности общения народа и власти, когда одни дают произвольный набор слов, а другие, потирая руки, расставляют их по своему усмотрению вместе со знаками препинания и дорожными.

И получается декларативно – Запрещен въезд транзитным грузовикам, хотя если по ПДД читая знаки получается, то всем автомобилям с разрешенной максипальной массой более 2.5 т. Так вот к чему была шумиха вокруг вакханалии мажоров на гелендвагенах?

Да, только у Бентли и Мерингов и РоверКрузеров всяких модных, и у УАЗиков патристических полная масса до трёшки доходит. Всем им платный проезд, только через кассу при Администрации? Вот и выходит, что одним песец, то другим шкурки на новые шубы. Хорошо?

Гностика кармы

Уныньем зависть женщин чаще гложет,
Когда никто не хочет их или не может.
А что, – выпросите, – Мужчины?
У них всегда припрятаны лекарства от кручины.

Кино, для друга – хлебное вино и домино.
А если не стучат костями по столу давно,
Трезвы, их кинофильмов горы не прельщают,
Они, как рыцари для дам и от унынья их спасают.

Сложный вопрос? Решаешь только за себя,
Приятней будет как? Тут либо ты, или тебя!
Хочу одно, чтоб в жарких спорах важным стало,
– Что, ой и всё!, – у него с нею совпадало.

– Жизнь многих пролетает слишком быстро?
Да, вы подруга, не любили тракториста!
А ну давай, красотка, не робей!
И предъяви нам свой филей!

– Филея нет, слава мослам!
Не оценить всей красоты ослам!
– Нет крепких булок, лика нет?
Из двух грудей отсутствует комплект?

Да, как назвать нам сей любви букет?
– Как? Утонченный сухоцвет!
Есть для любви прелестной – уши,
В конце-концов, взгляните даме в душу!

PS: К чему скрывать?

Я в обществе здорового цинизма,
Смертельно болен безконечной жаждой жизни,
И заражаю злою жаждой я без всякой клизмы,
Пока целы мой пол и статья.

Тем множу я добру примеры,
Как вырастить зело без меры.
Как жаль, что всем хочухам не понять,
От их, – Давай! – ломается кровать.

И удовольствий стал короче миг,
И хоть без трепета волнения,
И чаще наслажденья утекают в стих,

Под рост сердечного давления.

А карма обилия секса орального,
Расстроит любого нормального.

Трёхнародная стихия и поэтика

Здесь, у Никитских на заснеженных бульварах,
Живые души собрались, почти по парам,
Кто рассмешить, кто в мир нести любовь,
А кто зашёл на раны нежно сыпать соль.
Гений поэта – живым чувствам проводник,
Не ной, чтоб дух народный в нём не сник.
Штиля высокого на этом кончилась премьера,
Знакомимся – Владимир, Александр, Валера..
Кофе, коньяк и славу делим на троих,
Из разных вер, обрядов, слов – живой триптих.

Черно-белые параллельные миры

Про белых мух упорные ходили слухи.
– Найти бы их, – была мечта у черной мухи,
И затаивши ся за печкой посреди добра,
Приход однажды их она узрела из окна.

У белых, черных хоть миры и параллельны,
Но перелёт одних к другим смертельный,
Их разделяет плоскостью холодное стекло,
За грань которого цветным ходить разрешено.

Хотя и у цветных миров случаются промашки,
И бьются головой в стекло контуженные пташки.

Вегетарианский Хэллоуин или Оранжевая Сутра

Приятна нежность персиков и спелых дынь,
Не то, что хруст искусственных арбузов.
– Не прижимайся близко так, поэт, остынь!
– Я только, взглядом, назовите своё имя, Муза!

Расперло тыквы от белых семян,
Терпеть им осень нету больше мочи,
И вам напрасно рвать пустой баян,
Ад победил и день опять – короче ночи.

В ночи визжат азартные чертовки,
Что рай напрасно всех потом осудит,
И скучно жить им на одной морковке,
И что чертовки, тоже в чем-то люди.

Мычат священные коровы этой каше,
– На молоке весь вырос мир, давно стоит
И с молоком прохладным станет краше,
Хотя в умах кипит, от их рогов союза и копыт.

Милее дед Мороз и райская прохлада?
Снегурочки всё не дают во сне покоя,
Снеговика и в холод не хватает жара ада,
Супов с соплей его оторванной моркови.

Как часто красный день календаря,
Из-за пустой цикличной трансформации,
Казалось, пролетал с тобой буквально зря,
И становился днём нелепой ситуации.

Моськов, горе от Дюма

Нужны в столице деньги, земляки,
Без рыцарей коней тут вдоволь скачет,
А что и кто здесь кто-то чешет без любви,
Виною одни шарики и вот никак иначе.

Что шарик притерпелся нынче к власти,
Чуть смажут и везде пролезет в страсти,
Хотя здесь много избалованных Европой,
Кто любит лиц, что и без мыла лижут жопу.

И пусть опять обижу старого отца Дюма,
Всей этой власти цвет – настойка из дерьма,
Удобны им, кто притворяясь полной дурой,
За деньги, тет-а-тет и присосаться к синекуре.

Иногда И. О. нашего Королька, он – глуповат с виду и этим всё сказано... Ришелье со всей своей тайной канцелярией всё решает кардинально и без явных успехов. Настоящие мушкетеры, как и положено, гоняются по всему миру за ценными подвесками, добавляя хлопот единомышленникам и последователям лильского палача, ревнивого, как мавр, потому что Ла-Рошель и так наш по определению.

Начинающие гвардейцы серого кардинала с красной шапочкой демонстративно гоняют по столице табуны черных коней, закованных в крупповское железо.

Галантерейщик снова переставляет тапочки в очередной галантерейной богадельне.

Былые, казавшиеся мушкетерами, с легкостью переходят на лейтенантско-интендантские должности, считая, что и того немало по их способностям служить и выслуживаться.

В тайной канцелярии переписывают новые титулы из ящика картотеки на букву «В». Вайно, Васильева и все Володины...

А где уваливает от службы нынче барон дю Валлон? Яхты починяет со своей госпожой у тетки под Саратовом?

Народ безмолвствует, вспоминая об очередной оленьей охоте, искоса поглядывая то в сторону Англии то на очередные тучи в небесах, размышляя, про кто же раньше потонет.

И только Миледи снова затосковала в предчувствии приключений на свою шею из-за отсутствия положенных кольд-кремов и румян и охотников за лебяжьими шеями.

Три мушкетёрам, уже не числительное, где один за всех, а все за одного, а исключительно глагол повелительного наклонения.

Моськов, август 2016.

Свинарки и пастух

Неспешно покидают землю старые друзья,
Они ушли, но всё за них доделает семья.
Как долог миг последнего причастья,
Ты вспоминаешь всё, к чему причастен.

Свой век и даже больше отмотав от сих, покуда
Не вырастет и твой гранит у Новодевичьего пруда.
И как бы не печален сказки стал любой конец,
В мечтах свинарок лестно быть и пастухом овец.

Козлов хоть и больше на свете, да ниже удои,
Одна сокрушалась девица и старик Козлодоев.
Не Христиан, других система сказок действует у нас,
Важнее Ганса стал всем не пастух, а козлопас.

PS Счастье настоящего в том, что прошлое большую часть себя отдавало своему будущему, хотя некоторые так и не смогли преодолеть своей страстной любви к разным сатирам и козлам.

У Андерсена была сказка о принцессе и принце, испытывающем её в роли свинопаса. А жизнь, как краткий миг между прошлым и будущим в сто поцелуев принцесс Дурандот, рыцаря печали, свинопаса и волшебных горшочков, полных ароматов разочарований.

СейЧАСТЬЕсть без всяких, хоть – потоп.

Клерикальное

Скольких спектаклей нам ещё узреть конец,
Чтобы понять, удел волков – задрать овец,
Дрессура волку тертою морковкою претит,
От этих овощей у них, лишь крепнет аппетит.

Растим то золотых тельцов, то злых кумиров,
Зачем они? Чтоб каждый правил нашим миром?
Слагать им гимны на четыре ноты. Ля-ля, си-си,
Дай сил, с колен подняться помоги, с меня спроси!

В ответ звучит лишь эхом звонким тихий хруст,
Лукавя улыбка, в блеске слоя жира сытых уст.
– Мы оградим, постелим мягко, сварим суп из брюквы,
И светлый путь укажем вам на три весёлых буквы.

Аня и Дорифор

– Ты побывал недавно в ванной?
– Его спросила нежно Анна
И не успел в ответ он ахнуть,
Как был Анютой грубо трахнут.
И все прошло бы без обмана,
Да встретила ему Светлана.
И не было у Светы света,
Исправил он оплошность эту,
Успел он только тихо ахнуть,
Со светом был он нежно жажнут.
И с той поры, чуть ахнув-ойкнув,
Вползал он змием с койки в норку
И удивлялись ему снова:
«Трах, бах и всё? Раз и готово?
Где пир, ковёр, держи коня?»
– Может роди богатыря, ня-ня...
И прошлых дней былинная подружка,
Таскает в баню пиво в кружках.
И пусть не классик, бабник и алкаш,
Зато, он – современник наш.
А что немного бойкий матерщинник,
Так светлых лет минул полтинник,
И с каждым днём смешней и старше,
Победы дона, что с копьем на марше,
Не как известного былого Дон-Кихота,
Каменный бой, ему прищипиться охота.

Укладывая в свою постель командора своего мужа, Анна надеялась, что гость окажется не совсем каменным.

– А зачем нужны эти две блестящие железяки? – чуть позже весьма кокетливо расспрашивала Аня начальника железнодорожного вокзала, указывая на рельсы.

– По ним в наш городок, иногда, приходит паровозик из Ромашково, детвора приезжает и прочие любопытствующие посмотреть, кто тут ещё кого и как, любит-не любит, или просто отрывает лепесточки зазря, не становись у края платформы и гляди в оба, всё может случиться и случается, – отвечал ей простой распорядитель путей и стрелок.

Но Аня, всегда оставалась при своем мнении в своей игре,

– Командор! Это же какой милый будет паровозик, как тот, что я ещё в детстве в мультфильме видела!

А ты и тут будешь пытаться мной командовать? – восклицала она, кокетливо растекаясь в улыбке...

Ах, Анна, помню чудное мгновенье,
Под паровоз явилась ты,
Как мимолётное виденье,
И гениталий всей ЕГЭшной красоты.

Трагедия? Её не случилось. Есть два способа вызвать боль без всяческой последующей пользы, терзать душу за прошлое и рвать волосы на теле, чуть ниже спины.

И как утверждали классики, что есть совсем небольшие трагедии и так себе, совсем маленькие.

PS Дорифор – (греч. – «Копьеносец») – одна из самых знаменитых статуй античности, работа скульптора Поликлета, воплощающая «золотой» канон Поликлета.

Адвокатам бесовщины

Полезны дьяволу и власти адвокаты,
Но лица их всегда помяты.,
Пошли бы подышали лесом,
Чем тратить жизнь на службу бесам
Другая жизнь у офисных изгоев,
Что площадь Плевны и героев,
Что Москвы другие переулки,
Едино всё в Староминьетном закоулке.
Вам в кабинет или под чашку чая,
На стол или под стол определяя.
Законно быть под прессы прессом,
Рот утирая скромно с политесом.
Публичных девок нужно забавлять,
Купить, продать, их бродит рать
Удел публичных всех мужей,
Средь жаб быть изворотливей ужей.

PS Что ещё можно сказать о ступенях деградации выбора человека в условиях смены ориентации противостояния систем?

Если раньше мы учились делать выбор между добром и злом, то на сегодня мы стараемся выбрать из зол меньшее, или уже совсем карликовое худо без всяческого добра. А интеллигенция, предавшая свой народ и страну которая воспитала и вскормила, это всего-навсего интеллектуальные холуи, облуживающие власть орально в прямом и переносном смысле.

И мой привет злопыхателям о злободневности

Сакральным знанием своим вы удивляйте музу,
А чувствам они к месту, что чуток пониже пуза.

Орден за гречу

Я бы шеф-повару иному
Велел на стенке зарубить:
Речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

Вчера лизнул не там или не тем
Был изгнан, с недоверием слетел.
Перелизал, где надо без смятения
И накось выкусь орден, за терпение.

С широкой мордой лижущих мужей,
К Отечеству ты сколько не пришей,
Тесней ряды их всех, глядящих вдаль,
Грудей не хватит, на спину медаль.

О прекрасных бесах тихого омута

Мы безуспешно перебрали дни,
Я без упрёков, между прочим.
Где бухты, паруса и корабли?
А может к бесам? Есть же ночи!

И погружаясь в тихий омут,
У дюн песчаных, пальм иль скал,
Был красотою вечной тронут.
Кто глубины его не знал.

Возможно там водились черти
И бес коварно всех ласкал
И хоровод русалок, верьте и не верьте.
Из сказок тех, что помнят, кто читал.

Нормандия без Немана

Цейтнот? Цугцванг? В нормандском закоулке
Прижали, словно девку в темном переулке.
Расслабьте ваши булки. раз хотели хруста,
Свободно ложе европейского Прокруста.
Любить Европу будем по-французски,
Такой мотив господ из новых русских.
Судьба грустна, а жизнь сыта нелепо,
Раз сдал Донбасс, сдашь и Алеппо.
Ласкает ухо пропаганды ложь,
Как что-то ловко продаешь,
И силу недр дав отсосать,
К своим опять не дать, так взять.
В сказках потом рассудят дураков,
Кто с холуями был таков.

Рецепты любви

Любовь продать или купить?
Лишь обещанием манить?
Да с подвыванием сирены,
В другие запечатать схемы.

Впрок со слезами на подушку,
Солить, как огурцы в кадушку?
Жизни разматывая нить,
Эту любовь другим дарить?

Чаще одни вопросы без ответа
Такое на рассвете бабье лето.
Она – оковы или легче паутинки,
Прямы её или извилисты тропинки?

К чему слова и некий Даль,
Пускай летит словарь в даль,
И ничего вкуснее кофе нету,
Когда она вертит котлеты.

Пегмалионя трепетных девиц,
Забыт словарь для третьих лиц.
А коль окажется упёртою княжной,
Не зря словарь всегда с тобой...

Бултых... С концами парой в воду,
По просьбам и велению народа.
Явившись музой пред глазами,
Поэта не забудьте полюбить ушами.

PS: Как трудно искать ответы на простые вопросы и ещё трудней понять найденные ответы, которые сами лезут в голову своей элементарной очевидностью.

Откуда приходит туман? Куда он девается? Что случается, когда он рассеивается?

Мир внимательно разглядывает и вынюхивает чужие ножки, торчащие из тончайших кружев, унизанных бусинами капель воды, отделившейся от туманных одеяний. Лицевая, изнаночная, столбик с накидом и без – все сети Арахнид и Пенелоп привлекают его внимание, как нить Ариадны, к их подтянутым ножкам и умелым лапкам.

– Бабье лето – их брачная пора, – фыркая и вода чуйкой, ухмыльнулся всей своей моськой мой Мир.

Зализанный хитроплан

Скажи-ка, Чур, ты нам по праву,
Доколь терпеть нам всю ораву?
Кто, да ответил на вопрос,
Что вшей лобковых нежен чёс?

Что блохи, гребешок и смех
Лишь укрепляют ценный мех,
Про острость у глистов загнул,
Дескать нужны и крепят стул?

Травить собак крысиным ядом,
Кому забава и отрада?
Зачем растить вокруг людей,
Когда и так, полно блЮдей?

Отчизне служите парадно?
Так это нам весьма отратно,
Но задают вопросы дети,
– Что, депутаты наши – Йети?

Но прежний Гектор знает схему,
Как с Айзенштайном сводят Эмму.
Как всех шестерок в ряд расставить,
Чтоб золотым тельцам его возглавить.

Их жизнь – борьба за витаминов ящик,
Вторым присесть на крепкий хрящик,
Третьим рожна какого ещё надо?
Есть гуталин и тюбик с шоколадом.

Вот партия, чтоб им жилось красиво.
Для умных – «Партия Блудливых»,
Движение «Патриотичных идиотов»,
«Имперский фронт» чадящих обормотов.

И всем союзам, от меча и до орала,
Лишь гороскопных партий не хватало.
«Союз Стрельцов», вам в «Ложу первой Девы»
«Хвост Рака», «Водолей», «Весы – за меры»..

Считаете, что много партий «Близнецов»?
Так – плюрализм на все свершения отцов.
А если, цель всех технологий вам ясна,
Вступайте снова в нашу «Партию Овна»!

Одна кадровая история

Бывает жизнь стремительна, как ночь,
Проспал свой выбор, дальше не помочь.
К полтиннику немало их прекрасных,
Что в горе от ума своём напрасном.
И в целомудрии другим ища награду,
Наприключением себе нашли отраду.

Смешны порой, коварны и убоги,
Твердят: «Нас вам послали Боги,
Чтоб вы могли всем нам служить,
За что мы вас ещё поучим жить.»

И с ночи той до сей поры уходят дни
В безмерно неразборчивой любви.
Дети, семья, жильё – твердое нет,
Уже немало ей заполнено анкет,
Её мечты? Одна, уже вторые сутки,
Найти себе работу секретуткой.

Клин Блинтон

Комедия о входе-выходе в Белый и Овальный
Не учит ни чему ректально-пероральных,
Орут по-прежнему, что у Советов секса нет,
А множились они, как выключался свет.

Он говорил про сакс, патент французский.,
На полупальцах, реверансы в менюэте,
Речам его она внимала долго, грустно,
Банально вспоминалось платье в кабинете.

Страну, весь мир взбодрило, словно тоник,
Был на губах, при виде всяких Моник,
Прошли года, на тот же пост, смеясь лисичкой,
Его жена, на месть им со студентами куничкой?

Хотя, у каждой самой важной, сытой нации,
Если копнуть – свои ступени деградации,
Раз свыклись смирно пиявку черную сосать,
То будут и у немощной юродивой лизать?

Ночная бабочка и Шкаф

Сачок один сказал однажды Шкафу,
Что тот не раз давал дверкою маху.
Ловить и шпилить бабочек для смеха,
Кто жив ещё на хуторе – забавная потеха.

Вот снится тропик Рака с Козерогом,
В ночи никто не посочувствует убогим,
Опавших крыльев блеск чешуй не скроет,
На нашей широте всё раны спиртом моют.

Сперва, она сама летела на огонь свечи,
Внезапно пламя обожгло, не трепещи,
Тонкие ножки, пух, хохлатые антенны,
Фасетки глаз искрят огнями перемены,

Один в ночи присвоен темный уголок,
Куда её ночной охотник взял и уволок.
Не веря в боль её и жизнь уже другую,
Уже поймавши, шпилит бабочку ночную.

Как злой ребенок, что сбежал от няnek,
Сушить, в гербарий, пусть и не ботаник.
Поздно вздыхать, что шпилька островата,
Уж коль попалась, то отныне виновата.

Что бабочка ночная, что шкафная моль,
Хлопок... Никто твою не вспомнит боль,
Виновна в поеданьи меха, шерсти платьев,
Помеха в жизни человеческих собратьев.

Покемон Дитто и Ваня с яйцом

Сапог за лавкой скромно жил,
Да, вдруг, в деревню нашу угодил,
Откуда у хлопца Рязанская грусть?
Торгуя овощами, он цинично загруз.

Ему явилась сексуальная игрушка,
Амеба Дитто, с виду, как подушка,
И вот Ивану наплевать на лица,
На покемоне он решил жениться.

Но был тот покемон коварен и умён,
И трансформаций ловких полон он,
Как только Ваня с Дитто поженился,
Тот, точно в сказке, в Ваню превратился.

Ваня на Ваню покемонит, брак кляня,
Пиар – пиаром, только жизнь – фигня,
Медовый месяц длился, как обычно,
Под лавкой сапожок наш снёс яичко.

PS Москвич объявил о решении жениться на покемоне Дитто
<http://www.msk.kp.ru/daily/26565/3582101/>

Покемон Дитто – бесполое существо, при встрече превращающееся в объект, его же и обнаруживший. Делает он это путём копирования генетического кода покемона или человека. Исходя из этого брак с ним случится однополым и женитьбой назвать, даже весьма приближенно, можно только с тугой натяжкой.

Неразделённая осень

Осень в двери стучит осторожно,
Ты дождю тихо дверь ту открой,
К концу лета чудес всевозможных,
Мы встречали с лихвой сей порой.

Там корзинкой с грибами черпали,
Алых ягод калины, где убрана рожь,
Серебрились за тучами серые дали,
Лета бабьего паутина и первая ложь.

Нас в лес, опять, манила паутинка,
– Ты, лишь ступи и топай по тропинке,
Её легко измерять твердыми шагами,
Что грязь и лужи хнычут под ногами?

Куда ещё ломиться, как скотина можно?
Не по тропе, забыв про осторожность,
Хруст веток, веер брызг и мха седины,
Двойной разбитой колеи чужой резины.

Говорят, что осень это – небо,
Пусть оно не плачет под ногами.
Это лес с листвою цвета хлеба
И зима, которую не ждали.

Белый город скроет черный снег,
Чистый снег падет в серый снег,
Осторожно, скрипя снегом, ступая,
Тень за светом по свету шагает.

Политкорректность

Когда нет времени к из азбук упражнениям,
Привыкнуть проще ко словесным испражнениям.

PS: Любовь, голуби и крашенные сучки

Что европейцу дом с лицензией на терпимость (maison de tol; rance), то обычному русскому – бордель (дом терпимости).

И как-то не охота свой дом переводить на правила толерантности, не смотря на все потуги администрации к правильному переводу слов и понятий на такую погоду в своём доме.

Хотя и у монастырских терпимость заканчивается тогда, когда посетители монастыря начинают переписывать его устав, вместо того, чтобы делать благодарственные записи в гостевой книге.) Или я отстал от жизни? Так бы и жили курочки, и не ведая греха по нормам советского общежития, но с красными шторками и фонарями, и могли-бы ещё и валюту приносить в дырявый бюджет.

Удовольствия в наслаждениях

Писать понятно нужно детям,
И в протокол то тем, то – этим,
А остальным, понятно сразу,
Писать понятно не обязан.

Искус искусства удовольствием искушать
Плодов не красть, а с наслаждением вкушать,
Ведь для того даны нам наши чувства,
Чтобы постигнуть мира все искусства.

Все научились Сутре же уже,
И в яйцах рубят лучше Фаберже.
И от чего с утра мечта о Каме,
Рыбак забыл, приятней даме...

Так в чехарде забытых слов,
Каждый найдёт себе уже улов.
Кому союз, меча, серпа, орала,
А остальных – здесь не лежало.

Что значит удовольствие без уда?
На теле горбик без верблюда.
А наслаждение, что без нас?
Храпит, как конь, но не Пегас.

И удовольствий стал короче миг,
И хоть без трепета волнения,
И чаще наслажденья утекают в стих,
Под рост сердечного давления.

PS О кармических долгах
За каждой старушкой, мыслящей категориями долгов
и процентов, бродит свой Раскольников, в надежде одним махом
рассчитаться по всем долгам.
И только за своё удовольствие расплачиваются наслаждением
с наслаждением.)
Люди встречаются,
Всяко случаются,,
Любят и женятся.

Бяки буки или о Хоти вольной и невольной

Вышел из спячки, ведь в разгаре лето,
И бросил всё, спеша на чай, цветы, конфеты,
Чтоб жизни новой в милую вдохнуть,
Ты дулом, брат, не подкачай, спеша соснуть.

Твой братец от хоти вольной раздулся,
Да, ойкнув, в резинку невольничью сдулся.
Видно, жизни весну ты крепко переспал,
Бук не учил, не ту капусту стриг и засевал.

PS: Табуированные звуки, боги, слова, образная речь порождают новые сказы о Федотах-стрельцах и других охотниках.

Да, нынче, Федот-охотник не уже тот пошел, не знает отчего
прежний стрелец на своем дуле фертел нынешних охотников
до радужных фазанов. Да и вместо искать детей в капусте,
пытаются деток за капусту завести спустя в рукава. Вам охота
пуще в неволе? Или невольная хоть пуще вольной?

Каково

АзЪ

Покой

Укъ

Слово

Твердо

Азь?

#азбучные_истины

Аврора

Ау! Мечта о жизни новой,
Ты к людям заново вернись!
И под ветрилами Авроры,
В Москву без страха устремись.
Сменить хозяйку пыли, шторы,
Проветрить Кремль, сдуть пузыри
В лучах алеющей зари.

Красавица! Пора! Проснись!
От паразитов отряхнись,
Сотри наросты и коросту,
Единства рознь и рост без роста.

Дело Мира о песочных часах со псаками

Песочные часы ещё идут?
Они же так бесстыдно лгут!
Их только чуть перевернут
Встряхнут и вновь чудесно врут.

Умом настроек тонких не понять,
Но тот и та по-русски – бля@ь.
Не всё, что чудно обтекаемо,
Приятно всеми обоняемо.

Нам враг отправит в судный час,
Свой стратегический боезапас.
Не долго думая, где белый свет,
Щит ядерный умчится им в ответ.

Осядут в пыль нуклидов изотопы,
Землю умоют воды нового потопа,
Взамен живых, тут каменеют кости,
Тучи летят, друг к дружке в гости.

Нет места людям ныне на планете,
И не родятся больше смех и дети,
Так безотрадно рисуется картина,
Когда в уме царит военная доктрина.

PS: Если против тебя ополчились с двух воюющих сторон, значит ты делаешь все правильно в деле сохранения Мира.

Методы НЛП часто применяют для управления человеческим сознанием воздействуя на совесть или формируя у него ложные чувства стыда и сострадания к нежити.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.